

Научная статья
УДК 94(470)“16/19”
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_32

**КРИЗИС СИСТЕМЫ СЕЗОННЫХ ПЕРЕКОЧЕВКОВ В XIX в.
КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ПЕРЕХОДА К ПОЛУОСЕДЛОМУ И ОСЕДЛОМУ ХОЗЯЙСТВУ**

Батыров Валерий Владимирович

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия
valerabatyrov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9014-4910>

Аннотация. Статья посвящена исследованию кризиса системы сезонных перекочёвок в XIX в., когда выработанная система сезонных перекочёвок под влиянием политики российской администрации оказалась под ударом. Последствия разрушения старой системы кочевания в конце XVIII – начале XIX в. сразу же стали причиной таких негативных явлений, как увеличение численности «бескотных» бедных калмыцких семей. В дальнейшем политика российской администрации по переселению крестьян из центральных губерний на территории калмыцких кочевий привела к сокращению пастбищных территорий и сделала физически невозможным функционирование традиционной пастбищной системы, что стало одним из основных факторов перехода к полукочевому и оседлому хозяйству. Следует отметить, что с середины XIX в. калмыцкое общество стало активно адаптироваться к природно-климатическим условиям при помощи новых способов ведения скотоводства. Оно нашло новую стратегию выживания и приспособления скотоводства к более суровым и неблагоприятным условиям — переход к полукочевому скотоводству. В этой ситуации кочевое общество пошло на такие беспрецедентные меры, как дробление крупных этнических групп на более мелкие, которые кочевали хотонами в пределах своего улуса. Также калмыцкие скотоводы стали применять меры по интенсификации скотоводства путём создания искусственных водоёмов на маршрутах кочёвок и заготовки сена на территории зимовых мест. Все эти меры повлекли за собой глубокие структурные изменения в традиционной культуре калмыцкого народа.

Ключевые слова: история Юга России, история Калмыкии, традиционное кочевое скотоводство, национальная политика Российской империи, адаптация, система кочевий, полукочевое скотоводство, оседлое (стойловое) скотоводство, сенокосшение, колодцы

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Для цитирования: Батыров В. В. Кризис системы сезонных перекочёвок в XIX в. как основной фактор перехода к полукочевому и оседлому хозяйству // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 32–40. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_32.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE CRISIS OF THE SEASONAL MIGRATION SYSTEM IN THE XIX CENTURY,
AS THE MAIN FACTOR OF TRANSITION TO SEMI-SETTLED AND SETTLED ECONOMY**

Valery V. Batyrov

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia
valerabatyrov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9014-4910>

Abstract. The article is devoted to the study of the crisis of the system of seasonal migrations in the XIX century, when the developed system of seasonal migrations under the influence of the policy of the Russian administration was under attack. The consequences of the destruction of the old system of nomadism in the late XVIII – early XIX centuries immediately caused such negative phenomena as an increase in the number of "cattle-free" poor Kalmyk families. In the future, the policy of the Russian administration on the resettlement of peasants from the central provinces on the territory of Kalmyk nomads led to a reduction in pasture territories and made it physically impossible for the traditional pasture system to function, which became one of the main factors in the transition to semi-settled and settled farming. It should be noted that since the middle of the XIX century, Kalmyk society has been actively adapting to natural and climatic conditions with the help of new methods of cattle breeding. It has found a new strategy for survival and adaptation of cattle breeding to more severe and unfavorable conditions — the transition to semi-nomadic cattle breeding. In this situation, the nomadic society took such unprecedented measures as the fragmentation of large ethnic groups into smaller ones that roamed the Khotons within their ulus. Also, Kalmyk cattle breeders began to apply measures to intensify cattle breeding by creating artificial reservoirs on the routes of nomads and harvesting hay

on the territory of winter places. All these measures entailed profound structural changes in the traditional culture of the Kalmyk people.

Keywords: history of the South of Russia, history of Kalmykia, traditional nomadic cattle breeding, national policy of the Russian Empire, adaptation, nomadic system, semi-nomadic cattle breeding, settled (stable) cattle breeding, haymaking, wells.

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 "Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)" (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

For citation: Batyrov V. V. The crisis of the seasonal migration system in the XIX century, as the main factor of transition to semi-settled and settled economy. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 32–40. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_2.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Кочевое скотоводство в течение длительного времени было базой существования калмыцкого народа. Адаптация хозяйства калмыков к природно-климатическим условиям долгое время служили основой незыблемости и неизменяемости традиционного кочевого общества. В этих условиях только стихийные бедствия — засухи, бураны и эпизоотии — могли привести к голоду и падежу скота, что обуславливало причины кратковременных социальных кризисов и потрясения устоев кочевого государства.

В период Калмыцкого ханства были сформированы постоянные территории летних и зимних кочевий улусов двух наиболее крупных субэтнических подразделений калмыков: торгутов и дербетов. Главным распорядителем всех кочевий был хан, который распределял пастбищные угодья среди улусов. Каждый год он утверждал территории кочевий того или иного улуса и доводил до сведения владельцев улусов через их представителей [1, с. 71].

Важным отличием калмыцкой системы кочевания были сезонные переходы р. Волги большей частью калмыцких улусов, преимущественно торгутских. Каждый год торгутские улусы зимовали на левом берегу р. Волги, а с весны и до поздней осени кочевали на правом. Исключением из правил был торгутский улус Доржи Назарова, который всё время находился на правом берегу Волги для прикрытия границ ханства от нападений казахов, а также дербетские улусы, постоянно кочевавшие на левом берегу Волги.

Основная часть

После ухода большей части калмыцкого народа в 1771 г. в Джунгарию место главного распорядителя кочевьями кратковременно занял сын хана Дондук-Омбо — Алексей Дондуков. Приход к власти А. Дондукова привёл к началу ожесточённой борьбы между торгутскими нойонами, причастными к правящей династии торгутских ханов, за право занимать место хана. Российское правительство оказалось не готово к решению судьбы калмыцкого народа и самоустранилось от решения проблемы, предложив калмыцкой знати самой решить проблему единоначалия. Так, астраханский губернатор Н. А. Бекетов даже предлагал торгутскому нойону Яндыку самому решить вопрос о старшинстве над калмыками по согласию или, что примечательно, «путём бросания жребия» [19, л. 57].

В эту борьбу также активно включились и дербетские владельцы. Дело в том, что в Джунгарию ушли по большей части торгуты, что привело к уменьшению численности торгутских улусов по отношению к дербетским. В этих условиях дербетские владельцы больше не желали соблюдать устоявшейся статус-кво времён Калмыцкого ханства, когда дербетские улусы находились на вторых ролях и в зависимом положении от торгутских ханов. В свою очередь, торгутские нойоны не желали допускать даже мысли о возможности избрания хана из дербетских или хошутских нойонов. Так, 4 августа 1771 г. владелец икицохуровского улуса Асархо с возмущением писал астраханскому губернатору Н. А. Бекетову, что только потомки хана Аюки (т. е. торгутские нойоны) «хошотами и дербетями управляли» [17, л. 133].

Междоусобицы в калмыцком обществе, разгоревшиеся на почве династийных разногласий, привели к тому, что российская администрация, не рискуя вызвать недовольство калмыцких улусовладельцев, чтобы не побудить оставшихся калмыков двинуться вслед за остальными в Джунгарию, приняла достаточно радикальное решение полностью ликвидировать центральную власть среди калмыков. Рескриптом Екатерины II от 19 октября 1771 г. место хана как распорядителя кочевыми территориями переходило непосредственно астраханскому губернатору, которому должны были формально подчиняться калмыцкие улусовладельцы. Отныне каждый из улусовладельцев теперь «собственными своими людьми управлял независимо от других и давал на них суд и расправу по их калмыцким правам и обыкновениям». Посредником в их взаимоотношениях отныне должен был выступать астраханский губернатор, которому поручалось осуществлять лишь «общее надзирание и управление калмыцкими кочевьями» [9, л. 51].

Главным итогом упразднения ханства для калмыцкого скотоводства стало разрушение устоявшейся системы кочевий оставшихся калмыков в составе Российской империи. Последним шагом российской администрации на пути разрушения системы традиционных кочевий стал запрет торгутским улусам переходить на левый берег р. Волги из-за опасения ухода оставшихся торгутов в Джунгарию. Запрет

привёл к скученности скота калмыцких улусов и послужил причиной нового передела территорий кочевий, который значительно осложнялся отсутствием главного распорядителя кочевных мест — хана. Астраханский губернатор и его канцелярия просто физически не могли выполнять эти обязанности в силу отсутствия необходимой компетенции и авторитета среди калмыцких улусовладельцев. При этом сами чиновники вполне осознавали тот факт, что упадок кочевого скотоводства части калмыцких улусов напрямую связан с запретительными мерами российской администрации. Так, астраханский губернатор Н. А. Бекетов писал Астраханской губернской канцелярии, что по рапортам пристава, находящегося при торгутском улусовладельце Яндыке, ученика калмыцкого языка И. Лепехина, видно, что население его улуса «по недостатку на нагорной стороне скотского корма и того по худобе и скота» выступали с неоднократными просьбами о разрешении переправиться через Волгу (на луговую сторону) [18, л. 224]. В этих условиях Н. А. Бекетов пошёл на половинчатое решение и приказал черныорскому и енотаевскому комендантам разрешить бесскотным калмыцким семьям аймака эркетеневского зайсанга Баранга переправляться на острова р. Волги [17, л. 18].

Только в 1782 г. астраханский губернатор М. М. Жуков в ответ на неоднократные просьбы представителей торгутских улусов разрешил им кочевать по луговой стороне Волги. Однако опасаясь их побега «за границу чрез Урал», он разрешил переводить на другую сторону р. Волги только ограниченное число семей — «неполные улусы»: «Ис Тюменева улуса дозволить перевести на луговую сторону до 400 кибиток да Машина и Цаган Кичикова улуса зайсангов Баджнг и Габунг Доджу с их калмыками» [20, л. 1–2].

В целом к концу XVIII в. торгутские улусы (Багацохуровский, Икицохуровский и Яндыковский улусы) кочевали недалеко друг от друга по берегам р. Волги и до урочища Сарпы, а зимовали по берегам р. Кумы. Хошутский улус летом кочевал по берегам р. Сарпы до рек Вязовка и Волга, а зимовали по берегам Кумы. Отдельно надо отметить Дербетский улус, который летом кочевал по рекам Курмоярский Аксай, Аксай Есауловский, Мишковке, Донская царица, Карповке и Сал, а зимовал на р. Маныч [31, л. 150, 154, 158, 177, 181].

На большей части этой территории, на нагорной стороне Волги, издавна кочевали дербетские улусы, что создавало предпосылки для столкновений из-за кочевых мест между торгутскими и дербетскими улусами. Так, в 1797 г. чиновники астраханского калмыцкого правления в рапорте на имя астраханского губернатора Н. Я. Аршеневского указывали, что «дербетевы владельцы Чучей и Бабул с улусами своими кочевье каждодневно препровождают к реке Куме» и ежегодно устраивают зимовку около оз. Можары [3, л. 12]. Это неизбежно создавало предпосылки для будущих конфликтов, учитывая, что дербетские улусы зимовали в урочище Кек Арыл [12, л. 55].

Последствия разрушения старой системы кочевания отражены в рапорте губернатора М. М. Жукова от 28 января 1785 г., который отразил все жалобы калмыцких улусовладельцев по поводу кочевых территорий. Он писал, что с тех пор, как калмыки перестали допускаться на левый берег р. Волги, на нагорной стороне, «на Кизлярской дороге от Астрахани учреждены почты, а по Куме-реке, по Томузлову и по сю сторону Дона поселились российские люди, а по Волге казачьи станицы, которыми до прежних кочевных мест не допускаются, а кочуют от начатия весны и до глубокой осени в степе по копаням», отчего «приключаются скоту болезни и происходит немалой падёж, чрез это калмыцкой народ приходит в бедность и несостояние, и если де они впредь на сих же местах навсегда кочевать останутся, то чрез недолгое время могут притти и к службе государыниной неспособными» [1, с. 182].

Одной из первых попыток царской администрации по установлению новой системы кочевания стал указ Александра I от 24 декабря 1805 г. на имя астраханского гражданского губернатора В. Д. Тенишева созвать в Астрахани всех калмыцких улусовладельцев и правителей казенных улусов для обсуждения проекта генерал-майора Астраханского гарнизонного полка И. И. Завалишина об определении территории «для кочевья калмык и других народов магометанского вероисповедания», «внушая им, что сие чинится единственно в следствие попечения правительства о наилучшем устройстве на будущее время кочевья их» [10, л. 1]. Но получивший распоряжение о собрании калмыцких улусовладельцев главный над калмыцким народом пристав П. П. Крупинский сообщил В. Д. Тенишеву, что все улусовладельцы уклонились от явки на собрание по разным причинам [10, л. 55].

Следует отметить, что даже во времена Калмыцкого ханства совместная зимовка нескольких улусов на одном месте грозила массовым падёжом скота. Так, 25 марта 1740 г. калмыцкий хан Дондук-Омбо в своём письме астраханскому губернатору М. М. Голицыну сообщал, что из-за угрозы нападения казахов все улусы были собраны в одно место, но «от жестокой зимы скоту много повалилось, и многие калмыки в убожество пришли; которые кроме рыбы пропитание имеют способу не имеют» [4, л. 6].

Начало XIX в. ознаменовалось целой чередой конфликтов за территории кочевий между калмыцкими улусами. Так, 1 мая 1822 г. частный калмыцкий пристав, поручик Э. К. Флейшер подал рапорт астраханскому гражданскому губернатору И. И. Попову, в котором сообщил, что 19 апреля улус торгутского владельца Церен-Убуши прикочевал к р. Сухоте, чтобы весь май пасти свой скот по ближним местам на урочище Бургуста, «где хотели по обряду калмыцкому ежегодно продолжить молебствие, называемое (Хурул Хурхо), и как в то время все улусы должны быть в месте, то и недозволено было своим подвластным отравлять оные места» [2, л. 1].

Однако прикочевавший на ту же территорию дербетский Эрдени-тайша Тундутов как владелец более многочисленного улуса пытался силой «удалить с оных мест» торгутов, для чего приказал всем своим подвластным с отдалённых мест пригонять большие конские табуны (до 5 000 голов) и прогонять их через ставку, чтобы заставить улус уступить ему кочевья. Подвластное Церен-Убуши население улуса по большей части занималось разведением овец, поэтому их хозяева были вынуждены покинуть территорию, чтобы спасти свой мелкий скот от разогнавшихся конских табунов. Этим Э. Тундутов лишил удобных мест кочевий калмыков торгуетовского владельца Церен-Убуши на р. Бургусте и заставил их удалиться. В ходе последующего разбирательства малодербетовский владелец Э. Тундутов прямо заявил, что с «начала прихода нашего в подданство Великих Государей Императоров мы не только по одной речке Бургусте, но и по всем урочищам Иргени именуемым кочевье и жительство имеем» [2, л. 9].

Нарастающая напряжённость в отношениях между калмыцкими улусами привела к тому, что российская администрация обратила внимание на вопрос о распределении территорий между улусами. В именном Его Императорского Величества Высочайшем Указе от 24 декабря 1805 г. указывалось, что «для объявления положения о землях, для кочевых народов назначаемых, призвать в Астрахань к определённому времени приставов при калмыках и других кочующих народах находящихся, поруча им в одно время предложить народам сим, о посылке вместе с ними в Астрахань, по одному или по два человека от каждого народа из старейшин или других общему доверенностью пользующихся людей. При сём случае нужно поставить приставам в виду, чтоб они предложили избрание сих доверенных людей со всевозможною осторожностью. Не давая поводу никакому беспокойному народов сих заключению и внушая им, что сие чинится единственно вследствие попечения правительства о наилучшем устройстве на будущее время кочевья их». 15 января 1806 г. во исполнение императорского указа астраханский гражданский губернатор В. Д. Тенишев приказал коллежскому асессору, главному над калмыцким народом приставу Крупинскому созвать на сбор всех калмыцких владельцев, а от казённых улусов их правителей, в Астрахань для «указания положения о кочевных их местах» [10, л. 1]. Надо отметить, что в тот период все попытки собрать калмыцких владельцев не увенчались успехом. Осознавая, что на собрании губернатор неизбежно поставит вопрос об уточнении новых территорий кочевных территорий, почти все они уклонились от поездки в Астрахань.

Только к началу 1830-х гг. огромными усилиями улусных приставов калмыцкие улусы получили свои определённые территории кочевий. Так, в рапортах улусных приставов Главному попечителю Калмыцкого народа А. М. Фадееву указаны территории улусов. Так, Багацохуровский улус имел кочевья по нагорной стороне Волги, между Хошеутовским и Малодербетовским улусами: «Полагая примерно на 200, а от реки Волги степь, также не менее ста верст. Займище Цаган Аман, от реки Волги до реки Ахтубы на десять, а между границ казачьих станиц Копановской и Ветлянинской с прогоном, отведенным для кочевки калмыков разных улусов, с нагорной в луговую, а из оной в нагонную стороны степи на девять верст. Но только оным прогоном калмыки теперь не пользуются. По причине самовольного заселения на оном с шедшими из верховьев губернии крестьянами» [13, л. 28]. Крестьянская колонизация негативно влияла на калмыцкое скотоводство, уменьшая доступ к водным источникам, а также к зимовым местам, поскольку калмыки традиционно зимой укрывали от непогоды в зарослях камыша, а также кормили скот камышом. Потеря доступа к водным ресурсам отрицательно влияла на способность калмыцкого скота успешно выйти из зимовки, обуславливая всё больший рост разорённых «бесскотных» калмыцких семей.

Распределение территорий между улусами привело к тому, что вся степь была примерно разделена на две части — северо-западную, где кочевал Малодербетовский улус, и юго-восточную, где кочевали торгутские улусы. Территория торгутских улусов была наиболее бедна водными источниками, поэтому они намного чаще совершали кочевки в отличие от своих северных соседей, даже в зимнее время. Тем не менее в Калмыцкой степи были места общего землепользования — так называемые Чёрные земли. Из-за отсутствия водных источников в летнее время калмыки там почти не кочевали, что способствовало сохранению пастбищ нетронутыми вплоть до зимнего периода, а малоснежные зимы на этой территории давали возможность кормиться там даже овцам. В зимнее время на Чёрные земли пригонялся весь скот (лошади, верблюды, крупный рогатый скот, овцы) торгутских улусов, а в наиболее снежные зимы туда пригоняли скот Малодербетовского улуса за исключением крупного рогатого скота, который оставался в улусе и кормился запасёнными кормами (сеном и камышом). Взамен этого жителям Эркетеневского улуса, на территории которого находились Чёрные земли, для сохранения пастбищ на случай снежной зимы разрешалось кочевать на территории всех остальных улусов, кроме Хошеутовского и Мочажного. Два последних улуса стояли особняком из-за своей близости к крупным водным источникам, что позволяло им кочевать не так интенсивно, как другим торгутским улусам.

В каждом калмыцком роду располагались водоёмы (реки, озёра, колодцы), равномерно расположенные друг от друга, а также сенокосы или заросли камыша (молодой камыш косился на корм). В летнее время род находился возле рек и озёр, а зимнее время кочевал приготовленным запасам сена и камыша. Скошенное сено и камыш складывались в стога и обрывались канавами. В зимнее время весь скот кочевал к приготовленным запасам корма, где также подготавливались укрытия для скота из глинобитного кирпича

или плетёного камыша, некоторые из которых даже имели крыши. В калмыцких родах, где не имелось достаточных водных источников, весной весь скот содержался возле луж, в которых скапливалась талая вода (цандыки), а период осенних дождей углублялись в степь, где не было водных источников [22, л. 1–6].

Однако окончательное урегулирование «кочевных мест» между улусами не привело к улучшению положения калмыцкого скотоводства. В результате проводимой правительством России политики по переселению крестьян из центральных губерний на территории калмыцких кочевий произошло ещё большее сокращение пастбищных территорий, что сделало невозможным функционирование традиционной пастбищной системы. Так, уже в начале XX в., 4 октября 1903 г., на съезде калмыков-скотоводов в Астрахани было принято постановление, в котором указывалось, что основной проблемой для калмыцкого скотоводства является «выпас постороннего скота в Калмыцкой степи, вот вред и польза для калмыков. Места для выпаса скота могли бы быть дозволены без вреда для хозяйства калмыков» [14, л. 1].

С середины XIX в. способ ведения скотоводства у калмыков, который передавался из поколения в поколение без попыток улучшения, перестал отвечать требованиям калмыцкого общества. Так, в 1836 г. Деджит Тундутов докладывал А. М. Фадееву, что только в подвластном ему Малодербетовском улусе калмыки находятся в столь бедном положении, «что третья часть оных не только не имеют никакого скотоводства, но не имеют даже крова и приюта, где бы защититься от непогод» [13, л. 31].

Калмыцкому обществу требовалась новая стратегия выживания, которая могла бы приспособить скотоводство к новым неблагоприятным условиям. В этой ситуации калмыцкие скотоводы встали на единственно возможный путь выживания своего хозяйства в условиях земельного «голода» — переход к полукочевому скотоводству. Перейти на полностью оседлое (стойловое) скотоводство калмыки не могли из-за недостатка в степи сенокосов. В условиях, когда все водные ресурсы постепенно оказывались в руках переселенцев, скотоводы не имели возможности заготавливать необходимое количество сена на зиму для своих стад, а потому были вынуждены держать «их большую часть года на подножном корму». Конечно, не во всех калмыцких улусах складывалась такая ситуация, но увеличивающийся рост переселенческой деревни после отмены крепостного права заставлял калмыков всё время опасаться появления новых поселений.

Необходимость содержания скота на «подножном корму» вынуждала калмыков по-прежнему совершать кочёвки со скотом для пастбы. Такие кочевки, хоть и не такие длинные, как в прежние времена существования ханства, были необходимым условием функционирования калмыцкого скотоводства в сложившейся обстановке.

Важнейшим фактором выживания стала необходимость дробления калмыцких родовых групп. Если раньше калмыки кочевали улусами и аймаками по всей территории Калмыцкой степи, то теперь раздробленные калмыцкие хотоны по десять семей передвигались по степи в пределах территории своего улуса. Только исключительные случаи, связанные с засухой или суровыми зимами, могли привести к тому, что калмыки откочевывали на территории других улусов. В целом такие непродолжительные кочёвки зависели от состояния травы, поэтому хотон оставался на месте до тех пор, пока скот не вытравит траву в округе, и лишь затем кибитки разбирались, и кочевье двигалось дальше вдоль реки или балки. Обычно на одном месте калмыцкие хотоны находились не более двух или трёх недель, в зависимости от количества травы. Одними из первых стали распадаться роды Малодербетовского улуса. Так, дунду-хурулов род разделился на три части [22, л. 5].

Проблема раздельного кочевания упростилась после отмены зависимых отношений в 1892 г. Переход большинства калмыцких хозяйств к полуоседлому образу жизни вёл к изменению видового состава скота в хозяйстве и, в частности, падению роли лошади в калмыцком быту. Так, П. Медведский писал, что теперь «лошадь в быту калмыка играет далеко не ту роль (что в быту киргиза)» [7, с. 150].

Вынужденное дробление крупных этнических групп на более мелкие подразделения существенно повлияло на самочувствие этноса, вызвав кризис этнической идентичности, который повлёк за собой взрывной рост религиозной идентичности.

Проблема отсутствия водных ресурсов решалась массовым выкапыванием хулуков, копаней и колодцев. Искусственные водоёмы были единственным выходом в условиях, когда летом, во время перекочёвок, в степи для скотоводов были недоступны реки и озёра, возле которых располагались переселенческие деревни. Первым, кто стал активно заниматься созданием искусственных водоёмов, было население торгутских улусов, которое особенно нуждалось в водопоях для скота в летнее время, после того, как большую часть степи по левому берегу р. Кумы с согласия малодербетовского владельца Эрдени Тундутова захватил помещик, надворный советник А. Ф. Ребров, а остальная часть была заселена «поселянами» Кавказской губернии [12, л. 54].

Роль колодцев особенно выросла, когда в результате массовой крестьянской колонизации в калмыцких улусах стали появляться такие невиданные ранее в Калмыцкой степи гидротехнические сооружения, как плотины. Всё больше мелких пересыхающих рек, текущих со стороны Ергенинской возвышенности, стало осушаться таким образом предприимчивыми крестьянами. Так, например, в начале XX в. калмыки

ики-хурулова рода жаловались на то, что у них пересохло оз. Батыр. Как оказалось, что крестьяне с. Обильного построили плотину на р. Аршани в районе балки Нарн-Зельмень прекратив поступление воды в озеро. На этом озере устраивали свою зимовку более 700 калмыцких семей, которые косили там сено и камыш. После осушения озера все они ни оказались на грани разорения [16, л. 59].

Калмыки искали воду у подножия песчаных гор, где рыли большие и глубокие колодцы, которые постоянно засыпались песком. Обложить колодцы калмыки не могли ввиду полного отсутствия подходящего леса или камня, что вынуждало их почти ежедневно очищать колодцы, «а между тем скот их и они остаются сутками без воды» [12, л. 12, 13]. Колодцы худуки сразу рылись группами по несколько штук, чтобы не было нехватки воды для скота. Такие группы худуков располагались с таким расчётом, чтобы находится по всему маршруту прогона скота. Дно таких колодцев обычно находилось на глубине от 3 до 6 м, но иногда встречались очень глубокие — до 14,5 м. Можно оценить общий объём воды, которую надо было вычерпать с учётом необходимости напоить стадо овец голов в 200–300, а также крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов.

Чиновник П. Медведский, в 1885 г. наблюдавший поение из худуков табунов лошадей, описывал это как несложную конструкцию: «около худуков <...> находятся желоба, в которые наливается вода, <...> или желоба заменяются просто неглубокими, нарочно вырываемыми ямами» [7, с. 153]. Чиновник отдельно отметил, что у таких колодцев был целый ряд недостатков, связанный с низким качеством воды, а также слабой долговечностью сооружения, что приводило к тому, что при долгом перерыве в использовании они засыпались землей, песком, мусором и пр. Это приводило к тому, что скотоводы были вынуждены тратить длительное время на очистку колодца от мусора и земли, но всё это искупалось относительной дешевизной и простотой использования таких колодцев в степи.

Плохое качество воды, которой поили скот, вызывало удивление приезжих чиновников: «пьют всегда грязную жижу, нежели воду» [12, л. 12], «приходилось видеть, что лошади поились до такой степени мутной водою, что её можно было принять за жидкую грязь, причём даже при палящем зное июльского дня лошади при водопое ограничивались лишь несколькими глотками этой мутноватой влаги» [7, с. 149].

Однако даже колодцы и худуки не могли спасти скот от бескормицы в условиях зимы. Поэтому калмыки стали на зиму прикочевывать к местам, где кормили скот заранее заготовленным сеном, которое уже было заскладировано здесь. В качестве дополнительной гарантии на случай особо длительной зимы калмыки всегда старались выбрать место для зимовки возле озёр и рек, поросших камышом, которые могли использоваться в качестве кормов для скота.

Первые факты сенокосения появились уже в первой половине XIX в. В 1839 г. А. В. Попов писал, что после 1833 г. многие калмыки в Малодербетовском улусе стали заниматься сенокосами и «запасали на зиму столько кормов, что их хватало не только на период зимовки, но даже оставался избыток» [24, с. 24–28]. И. Шениан, посетивший в 1846 г. хозяйство нойона Тюменя, отмечал, что на зиму для скота сделаны «огромные запасы сена», причём не только самим владельцем, но и простыми калмыками [26, с. 121].

В 1853 г. чиновники УКН отмечали новые элементы скотоводства как общепринятые в степи: «на зиму калмыки запасают малое количество сена, и строят иногда базы из камыша для лошадей, также сараи из дерна для крупного рогатого скота и овец» [6, с. 73]. Калмыки связывали заготовленное сено в снопы, которые складывались в стога, состоявшие из тысячи снопов. Если их было больше тысячи, то эта кладка называлась ометом. Примечательно, что появление нового вида занятий не привело к традиционному гендерному разделению в калмыцком патриархальном обществе: сено косили и мужчины, и женщины. Гендерные различия существовали только в орудиях и способах сенокосения. Мужчины косили косами, а скошенное сено сгребали граблями; женщины резали траву серпами. Накошенное сено свозилось к худукам на места зимней кочевки, где оно складировалось рядом с запасами топлива — кизяка. Общее количество заготовленного калмыками сена стремительно росло с каждым годом. В конце XIX в. сенокосение стало неотъемлемой частью калмыцкого скотоводства и прочно вошло в жизнь калмыка-скотовода.

Кроме сенных трав, в качестве корма для скота использовался и камыш, растущий в Эркетеневском, Яндыко-Мочажном и Манычском улусах. Скашивала камыш преимущественно бедная часть населения, которая за неимением собственного скота продавала его «по цене от 2 до 7 коп. за сноп» [23, с. 15]. Столь высокая популярность камыша имела свои причины, связанные с тем, что малое количество сенокосных мест делало сено очень недешёвым товаром. Заготовка сена так дорого обходится, что, как писал заведующий Багацохуровским улусом В. Зварковский в 1902 г., «калмыки предпочитают лишиться половины скота в суровую зиму, чем делать заготовку сена в должном количестве» [15, л. 23]. Цену сена поднимало и то, что вследствие «большого скотоводства у русского берегового населения, оно само нуждается в сене», а потому к зиме цены на сено сильно поднимались [8, л. 18].

Выбор благоприятного места для зимовки не означал успешного прохождения зимы. Так, в Малодербетовском улусе многие крупные скотоводы — «нойон Тундутов, Санджи Боваев, Убуши Джапов, Очир Бамбаев, Барманцак Джалцанов и другие за неимением кормов принуждены почти каждую зиму перекочевывать со скотом в Абганеровы рода», но даже для них такие перекочевки сопряжены с большими трудностями. Единственное благоприятное место в Калмыцкой степи для зимовки скота находилось

на территории Чёрных земель, но даже в благоприятные зимы «перегоны на чёрные земли <...> никогда не обходятся без потери шестой части перегоняемого скота». При перекочевках на Чёрные земли калмыки теряли скот, павший от голода и эпизоотий, от нападений волков, которые всегда следуют за стадом, но наибольшие потери наносили набеги угонщиков скота [8, л. 19].

Всё более увеличивающаяся роль сена в скотоводстве Калмыцкой степи приводила к многочисленным конфликтам в борьбе за лучшие сенокосы. Хотя в конце XIX в. пользование сенокосами не было урегулировано законом, лучшие сенокосные угодья захватили представители калмыцкой аристократии и буддийского духовенства. Это служило причиной будущих многочисленных конфликтов и росту социальной напряжённости [5, с. 24–31.]. Вместе с тем, все инновации, произошедшие в калмыцком скотоводстве на протяжении второй половины XIX в., хоть и помогли выжить калмыцкому народу, но так и не смогли обеспечить его стабильное развитие. Такая форма скотоводства оказалась уязвима перед любыми форс-мажорными обстоятельствами. Большими бедами для скотоводства являлись стихийные бедствия и эпизоотии. Поэтому суровые зимы нередко наносили калмыцкому скотоводству большой урон. В первую очередь это касалось улусов, население которых не могло заниматься интенсивными сенозаготовками. Так, в декабре 1895 г. в Калмыцкой степи выпал глубокий снег, затем наступила оттепель, после которой ударили морозы. Тяжесть образовавшейся гололедицы усугубили начавшиеся снежные бури, разбросавшие ослабевший скот по степи. В Харахусовском и Багацохуровском улусах, пострадавших больше других, пало около 9/10 всего поголовья скота. Это неизбежно приводило к постепенному обеднению всё большего числа калмыцких семей. Всё больше семей поселялось в Мочагах или уходило из степи на отходнический промысел. В 1875 г., в докладной записке МВД указывалось, что калмыки в своей массе уже не являлись скотоводами: 10 % калмыцкого населения Астраханской губернии занималось скотоводством, а 90 % — занимались отходничеством на рыбные промыслы и добычу соли [25, л. 20–30].

Также наиболее бедные калмыки с небольшим количеством скота уходили из рода и кочевали по соседним крестьянским селам, станицам и хуторам, где нанимались в работы, занимаясь пастушеством или другими работами [22, л. 6]. Например, в 1858 г. более трёхсот семей южной части Малодербетовского улуса проживало за пределами Калмыцкой степи в селениях Ставропольской губернии, где нанимались на работу (см. табл.).

Таблица — Список калмыцких семей Южной части Малодербетовского улуса, проживающих вне Калмыцкой степи Астраханской губернии [11, л. 9–10]

Какого рода и зайсанга	Где кочуют и чем занимаются	Число	
		Хотонов	Кибиток
Бурулова рода зайсанга Очир Нембуева	При селении Бурнацком для заработков	1	30
Того же рода зайсанга Бадмы Корнева	В селении Благодарном для найма в работы	1	15
Того же рода зайсанга Манку Ностаева	В селении Чернолесском для заработков	1	21
Того же рода зайсанга Шалхин Терменкеева	При селении Покойном для найма в работы	1	32
Того же рода и зайсанга	В селе Покойном для заработков	1	29
Того же рода зайсанга Эренцен Монтукова	В селении Покойном для заработков	1	28
Того же рода зайсанга Санжи Мушаева	При селении Покойном для заработков	1	15
Ики-хурул Шабинерова рода	В селении Сотникове для найма в работы	1	32
Абганерова рода зайсанга Джап Кутузова	В слободе Бургун-Мажары для работы	1	15
Того же рода и зайсанга	В селении Покойном для заработков	1	16
Дунду хурула Шабинерова рода	В селении Масловом Куте для заработков	1	15
Ики-манлан Шабинерова рода	В селении Томузловке для заработков	1	15
Бага-Бурулова рода зайсанга Лакбы Дельтирова	При станице Александрии для найма в работы	1	15
Богдан Шабинерова рода	В селении Благодарном	1	15
Заключающимся из трёх родов: Бухусова, Туктунова и Хашхинова	В селении Прасковье для найма в работы	1	15
Того их трёх родов: Кетченерова, Кубетова и Хонгурдженкинова	В станице Грушовской для заработков	1	15

Выводы

Таким образом, в XIX в. выработанная система сезонных перекочёвок под влиянием политики российской администрации оказалась под ударом. Последствия разрушения старой системы кочевания в конце XVIII – начале XIX в. сразу же стали причиной таких негативных явлений, как увеличение численности «бесскотных» бедных калмыцких семей. Однако окончательное урегулирование кочевных мест между улусами не привело к улучшению положения калмыцкого скотоводства ввиду того, что политика российской администрации по переселению крестьян из центральных губерний на территории калмыцких кочевий привела к сокращению пастбищных территорий и сделала физически невозможным функционирование традиционной пастбищной системы.

В середине XIX в. способ ведения скотоводства у калмыков, который передавался из поколения в поколение без попыток улучшения методов, перестал отвечать требованиям калмыцкого общества. Оно нашло новую стратегию выживания и приспособления скотоводства к более суровым и неблагоприятным условиям — переход к полукочевому скотоводству. В этой ситуации кочевое общество пошло на такие беспрецедентные меры, как дробление крупных этнических групп на более мелкие, которые кочевали хотонами в пределах своего улуса. Также калмыцкие скотоводы стали применять меры по интенсификации скотоводства путём создания искусственных водоёмов на маршрутах кочёвок и заготовки сена на территории зимовых мест. Все эти меры повлекли за собой глубокие структурные изменения в традиционной культуре калмыцкого народа.

Список литературы

1. Батыров, В. В. Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII — первой половины XIX в. (по материалам фондов НА РК) / В. В. Батыров. — Элиста : КИГИ РАН, 2014. — 250 с.
2. Государственный архив Астраханской области (далее — ГААО). — Ф. 1. — Оп. 6. — Т. 3. — Д. 3105.
3. ГААО. — Ф. 1. — Оп. 9. — Д. 190.
4. ГААО. — Ф. 394. — Оп. 4. — Д. 63.
5. Лиджиева, И. В. Защита границ кочевий калмыков Главным попечителем калмыцкого народа В. А. Башкировым (1892—1895 гг.) / И. В. Лиджиева // Новый исторический вестник. — 2016. — № 3 (49). — С. 24—31.
6. Материалы для хозяйственной статистики России, издаваемые Императорским Вольным Экономическим обществом. — Санкт-Петербург : Тип. Деп. внеш. торговли, 1853. — Кн. 1. — 255 с.
7. Медведский, П. Отчёт по командировке в 1884 г. главного ветеринара-консультанта Главного управления государственного коннозаводства, магистра ветеринарных наук, действительного статского советника Медведского, старшего чиновника особых поручений того же Управления подполковника Фейхтнера и причисленного к Управлению, магистра агрономии, коллежского асессора Костычева, с целью исследования коневодства киргизов Тургайской и Уральской областей, Внутренней Киргизской Орды и астраханских калмыков / П. Медведский. — Санкт-Петербург : Тип. Месника и Римана, 1885. — 157 с.
8. Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук (НА КИГИ РАН). — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 271.
9. Национальный архив Республики Калмыкия (далее — НА РК). — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 25.
10. НА РК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 56.
11. НА РК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 180.
12. НА РК. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 161.
13. НА РК. — Ф. 7. — Оп. 4. — Д. 7.
14. НА РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 213.
15. НА РК. — Ф. 9. — Оп. 4. — Д. 1271.
16. НА РК. — Ф. 9. — Оп. 4. — Д. 1747.
17. НА РК. — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 17.
18. НА РК. — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 33.
19. НА РК. — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 35.
20. НА РК. — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 167.
21. НА РК. — Ф. 35. — Оп. 1. — Д. 179.
22. Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (НМ РК). — КП 6795/4.
23. Очиров, Н. Астраханские и их экономическое состояние в 1915 г. / Н. Очиров. — Астрахань : Калмыц. обл. план. комис., 1925. — 72 с.
24. Попов, А. В. Краткие замечания о приволжских калмыках / А. В. Попов. — Санкт-Петербург : Тип. Импер. Акад. наук, 1839. — 32 с.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 381. — Оп. 16. — Д. 21283.
26. Шениан, И. К. Хозяйство и опыты кн. Тюменева за 1846 г. / И. К. Шениан // Журнал Министерства государственных имуществ. — Санкт-Петербург : Тип. Министерства государственных имуществ, 1847. — Ч. 24, отд. 3. — С. 118—132.

References

1. Batyrov, V. V. *Ocherki istorii traditsionnoy kultury kalmykov posledney treti XVIII – pervoy poloviny XIX vv. (Po materialam fondov NA RK)* [Essays on the history of the traditional culture of the Kalmyks of the last third of the XVIII – first half of the XIX centuries. (based on the materials of funds in the Republic of Kalmykia)]. Elista: KIGI RAS; 2014, 250 p.
2. *The State Archive of the Astrakhan region (GAAO)*. Found 1, inventory 6, vol. 3, case 3105.
3. GAAO. Found 1, inventory 9, case 190.
4. GAAO. Found 394, inventory 4, case 63.
5. Lidzheva, I. V. *Zashchita granic kocheviy kalmykov Glavnym popechitelem kalmyckogo naroda V. A. Bashkirovym (1892–1895 gody)* [Protection of the borders of the Kalmyks' nomads by the Chief trustee of the Kalmyk people V. A. Bashkirov (1892–1895)]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin]. 2016, no. 3 (49), pp. 24–31.
6. *Materialy dlya khozyaystvennoy statistiki Rossii, izdavaemye Imperatorskim Volnym Ekonomicheskim obshchestvom* [Materials for economic statistics of Russia, published by the Imperial Free Economic Society]. Saint Petersburg: Type. Dep. external. Trade; 1853, book 1, 255 p.
7. Medvedskiy, P. *Otchet po komandirovke v 1884 g. glavnogo veterinara-konsultanta Glavnogo upravleniya gosudarstvennogo konnozavodstva, magistra veterinarnykh nauk, deystvitelnogo statskogo sovetnika Medvedskogo, starshego chinovnika osobykh porucheniy togo zhe Upravleniya podpolkovnika Feykhtnera i prichislenного k Upravleniyu, magistra*

агронии, коллежского асессора Костычева, с tselyu issledovaniya konevodstva kirgizov Turgayskoy i Uralskoy oblastey, Vnutrenney Kirgizskoy Ordy i astrahanskikh kalmykov [Report on a business trip in 1884 of the chief veterinarian-consultant of the Main Department of State Horse Breeding, Master of Veterinary Sciences, acting state Adviser Medvedsky, senior official of special assignments of the same Department, Lieutenant Colonel Feichtner and assigned to the Department, Master of Agronomy, collegiate assessor Kostychev, in order to study the horse breeding of the Kyrgyz of the Turgai and Ural regions, The Inner Kyrgyz Horde and the Astrakhan Kalmyks]. Saint Petersburg: Type. Mesnik and Riemann; 1885, 157 p.

8. *Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (NA KIGI RAN)*. Found 4, inventory 2, case 271.

9. *National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK)*. Found 35, inventory 1, case 25.

10. *NA RK*. Found 1, inventory 1, case 56.

11. *NA RK*. Found 1, inventory 1, case 180.

12. *NA RK*. Found 1, inventory 1, case 161.

13. *NA RK*. Found 7, inventory 4, case 7.

14. *NA RK*. Found 9, inventory 1, case 213.

15. *NA RK*. Found 9, inventory 4, case 1271.

16. *NA RK*. Found 9, inventory 4, case 1747.

17. *NA RK*. Found 35, inventory 1, case 17.

18. *NA RK*. Found 35, inventory 1, case 33.

19. *NA RK*. Found 35, inventory 1, case 35.

20. *NA RK*. Found 35, inventory 1, case 167.

21. *NA RK*. Found 35, inventory 1, case 179.

22. *National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Palmov*. KP 6795/4.

23. Ochirov, N. *Astrahanskije kalmyki i ikh ekonomicheskoe sostoyanie v 1915 g.* [Astrakhan Kalmyks and their economic condition in 1915]. Astrakhan: Kalmyk region. plan. comis.; 1925, 72 p.

24. Popov, A. V. *Kratkie zamechanija o privolzhskih kalmykah* [Brief remarks on the Volga Kalmyks]. Saint Petersburg: type. Imp. Academy of Sciences; 1839, 32 p.

25. *Russian State Historical Archive (RGIA)*. Found 381, inventory 16, case 21283.

26. Shenian, I. K. *Hozjajstvo i opyty kn. Tjumeneva za 1846 g.* [Economy and experiments of Prince Tyumenev for 1846]. *Journal of the Ministry of State Property*. Part XXIV, department III. Saint Petersburg: Type. Ministry of State Property; 1847, pp. 118–132.

Информация об авторе

Батыров В. В. — кандидат исторических наук.

Information about the author

Batyrov V. V. — Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 09.03.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 27.03.2023.